

Цюй Сыню, говорящий бессвязно, получил неодобрительный взгляд от старика Мэна, который сам вышел вперёд, чтобы выразить благодарность судье:

— Ваша честь, вы защитили нас, простых людей, и не позволили моей дочери и зятю быть оклеветанными. Вы наш справедливый судья!

Рядом старуха Мэн, радуясь до слёз, прикрыла рот и тоже поклонилась.

Сколько лет прошло, а она и её муж никогда не жалели о том, что вырастили Цюй Сыню. Но некоторые сплетни всё же вызывали у неё неприятные чувства. Теперь, когда судья лично вынес вердикт, она могла бросить эти слова в лицо тем, кто сплетничал, и показать, что её поступок одобрен самим справедливым судьёй!

Госпожа Мэн тоже плакала. Хотя в доме мужа её не обижали так, как невестку, она всё же не была счастлива. Теперь, с решением судьи, она и Цюй Сыню могли остаться в доме Мэн открыто, и это вызывало у неё невероятное волнение.

Слова Цюй Сыню и старика Мэна, хотя и не были изысканными, были искренними и честными. Реакция старухи Мэн и госпожи Мэн также показывала их благодарность. Это успокоило судью, который работал не ради личной выгоды.

Судья вынес решение, и дело было закрыто. Служители начали разгонять толпу, чтобы люди не стояли у здания суда.

Однако сегодняшнее дело, где мать обвиняла сына в неблагодарности, было настолько захватывающим, что зрители не хотели уходить, надеясь увидеть продолжение.

Лян Каншэн, заметив это, сунул служителю серебряный слиток и незаметно покинул здание через задний вход.

Учитывая, что все пережили эмоциональные потрясения, Лян Каншэн предложил не спешить с возвращением в деревню, а сначала пообедать в трактире. Он попросил кучера Лян Додао заказать простой обед.

Едва они прошли пол улицы, как их догнал Цюй Эрню, второй брат Цюй Сыню.

Именно он был тем, кто первым крикнул «Хорошо!» и начал аплодировать. После вердикта судьи он спрятался в толпе, наблюдая, как старуха Цюй ругается и выгоняется служителями, а затем последовал за четвёртым братом.

Оказалось, что госпожа Чэнь утром случайно услышала, как Цюй Санью и Цюй Чжицай шептались со старухой Цюй. После того, как старуха ушла, она поспешила к Цюй Эрню, чтобы тот пошёл за ними и попытался помочь.

Честно говоря, госпожу Чэнь сильно тошнило от этого. Она не понимала, почему свекровь так благоволит к пятому дому, но, поскольку сердце человека всегда склоняется в одну сторону, она обычно не вмешивалась, пока это не касалось её лично. Но как можно было намеренно вредить одному сыну ради другого?

Цюй Эрню, будучи членом семьи Цюй, чувствовал себя неловко перед четвёртым братом и семьёй Мэн:

— Сыню, я мало чем могу помочь, но хочу сказать от имени нашей матери: прости. Не прошу

тебя прощать её.

Цюй Сыню тогда был сосредоточен на старухе Цюй и не обратил внимания на происходящее снаружи, но старуха Мэн узнала голос Цюй Эрню и доброжелательно сказала ему:

— Эрню, спасибо тебе за поддержку.

Цюй Эрню смущённо почесал лоб:

— Ничего особенного я не сделал. Это всё благодаря зятю. Без его слов сегодня всё могло бы закончиться иначе.

К счастью, сегодня был Лян Каншэн, иначе, даже с вмешательством старухи Мэн, Цюй Сыню и его семья всё равно бы пострадали.

В зале суда Лян Каншэн мудро не стал спорить о том, был ли Цюй Сыню благодарным, а вместо этого поднял вопрос о его отношениях с обеими семьями.

С древних времён было много случаев, когда родители не были добры, но требовали от детей почитания. Под давлением благодарности за жизнь и воспитание дети почти не могли сопротивляться.

Если бы они настаивали на доказательстве, что Цюй Сыню не был неблагодарным, выиграть это дело было бы непросто.

Но, посмотрев на ситуацию с другой стороны, даже если старуха Цюй могла утверждать, что Цюй Сыню был неблагодарен, семья Мэн могла доказать, что он был почитателен.

Таким образом, с того момента, как старуха Цюй и старик Цюй оставили Цюй Сыню в Большом доме семьи Мэн, они уже проиграли.

В глазах Лян Каншэна мелькнул холодный свет. Сегодняшний успех во многом был обязан тому, что двое образованных членов семьи Цюй «пренебрегли» присутствием в суде.

Неожиданно их тщательно спланированная ловушка лишь узаконила отношения Цюй Сыню и его жены с семьёй Мэн. Думаю, когда они узнают об этом, их стошнит от злости.

После простого обеда в трактире Лян Каншэн попросил Лян Додао отвезти семью Мэн обратно в их дом.

Вернувшись в Большой дом семьи Мэн, старуха Мэн, сидя на лавке, размышляла о событиях в суде и с глубоким чувством сказала:

— Сыню, с этого дня ты больше не должен быть недоволен Каншэном. Он хороший парень.

Теперь она очнулась и, вспоминая, как вела себя, словно сошла с ума, чувствовала слабость в ногах. Если бы подобное повторилось, её старые кости не выдержали бы!

— Мама, я понял, — кивнул Цюй Сыню. Видя, как Лян Каншэн стоял на коленях рядом с ним и защищал их, он не мог не тронуться. Теперь он искренне принял Лян Каншэна как зятя.

Не только Цюй Сыню, но и другие мужчины семьи Мэн с этого дня полностью приняли Лян Каншэна. Мэн Шань даже задумался о том, чтобы подарить ему кусок дерева, который он хранил, чтобы сделать что-то в знак извинения и благодарности.

С другой стороны, старуха Цюй, выгнанная из суда в ярости, вернулась домой, терпя взгляды людей, смотрящих на неё как на сумасшедшую.

— Мама, что с вами? — спросил Цюй Даню, который только что пообедал и собирался выйти на работу. Увидев состояние матери, он выронил сельскохозяйственный инструмент.

Пятый брат говорил, что мама ушла по делам и не вернётся на обед. Что же она сделала?

— Не лезь не в своё дело! Я в порядке. Вы все, наверное, давно ждёте, чтобы мы с отцом умерли, и вы могли бы разделить наше имущество...

Молчавшая всю дорогу старуха Цюй внезапно взорвалась. Она схватила метлу, стоявшую во дворе, и начала бить Цюй Даню с такой силой, словно это был не её сын, а убийца её отца!

Она била с невиданной жестокостью, её лицо исказилось, вены на лбу и шее выступили, глаза расширились, ноздри раздулись, а кожа стала то бледной, то красной. Она выглядела совершенно ненормально.

Цюй Даню был в ужасе. Он не понимал, чем вызвал гнев матери. Он хотел убежать, но не посмел, стиснув зубы и терпя боль.

Цюй Санья, которая вместе с сестрой собирала траву для свиней, замерла на месте, не решаясь пошевелиться.

Но Цюй Ся была смелее и сообразительнее. Она тоже боялась разозлить бабушку, но, бросив корзину, побежала в дом за матерью и тётей.

Шум, поднятый старухой Цюй, разбудил всех соседей, которые только что поели и собирались отдохнуть. Они полезли на заборы, чтобы посмотреть, что происходит в доме Цюй.

Люди видели, как старуха Цюй, вся в беспорядке, с ранами на лице, била Цюй Даню, который не сопротивлялся. Сначала они подумали, что Цюй Даню или госпожа Ми как-то обидели её.

Цюй Ся, вернувшись, заметила странные взгляды окружающих. Она быстро сообразила и громко крикнула:

— Бабушка, не бейте отца! Вы же только что вернулись с утра. Отец всё утро работал в поле и только пообедал, чтобы выполнить ваше указание прополоть сорняки!

Слова Цюй Ся напомнили всем, что Цюй Даню был молчаливым человеком, а он и госпожа Ми были настолько простодушными, что вряд ли могли обидеть старуху Цюй. Видимо, причина была в чём-то другом.

Цюй Ся вздохнула с облегчением. Их семья и так была в трудном положении, и если бы окружающие их неправильно поняли, всё стало бы ещё хуже. Возможно, даже её и сестры не смогли бы выйти замуж.

Стиснув зубы, Цюй Ся сильно ущипнула себя и бросилась между старухой Цюй и Цюй Даню, пытаясь остановить её:

— Бабушка, бабушка, не бейте отца, не бейте его!